УДК 339.9 DOI: 10.14451/1.261.238

Современная экологическая политика Европейского союза: проблемы и ограничения

© 2026 **Иванова Дарья Геннадьевна**
Доктор экономических наук, профессор кафедры Мировой экономики и международных отношений. Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону.
E-mail: ivanova753@yandex.ru

© 2026 **Захарченко Елена Сергеевна**
Кандидат экономических наук, доцент кафедры Мировой экономики и международных отношений. Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону.
E-mail: esz.rsue@gmail.com

© 2026 **Сеферян Луиза Ашотовна**
Кандидат технических наук, доцент кафедры Мировой экономики и международных отношений. Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону.
E-mail: luiza.seferyan@mail.ru

Ключевые слова: экологическая политика, Европейский Союз, устойчивое развитие, климатическая повестка, возобновляемые источники энергии.

Статья посвящена исследованию современной экологической политики Европейского союза. Рассмотрены ключевые направления экологической политики ЕС. Отмечено, что проблемы экологической политики ЕС следует рассматривать не как перечень недостатков, а как систему взаимосвязанных напряжений, каждое из которых имеет структурный характер. Особое внимание уделено вопросам эффективности экологической политики ЕС.

Современная экологическая политика ЕС — это сложная система, которая объединяет стратегические цели, конкретные инструменты и механизмы реализации. Можно выделить несколько ключевых направлений экологической политики.

Климатическая политика Европейского союза — это комплекс стратегий и мер, направленных на сокращение выбросов парниковых газов и переход к низкоуглеродной экономике. Её краеугольным камнем считается Система торговли выбросами ЕС (EU ETS), основанная в 2005 году, суть которой состоит в том, что государство устанавливает общий лимит на выбросы парниковых газов для охваченных секторов экономики. Этот лимит разбивается на отдельные квоты — разрешения на выброс одной тонны CO_2, закиси азота или перфторуглеродов. С момента запуска система прошла несколько фаз развития, постепенно ужесточая требования. Текущая, четвёртая фаза рассчитана на 2021–2030 годы

и предусматривает ежегодное снижение общего количества квот [6].

Возобновляемая энергетика. Директива о ВИЭ в редакции 2023 года (Recast RED III) установила целевой показатель в 42,5% возобновляемых источников в совокупном конечном потреблении энергии ЕС к 2030 году с индикативным ориентиром 45%. По данным Eurostat, в 2023 году этот показатель составлял 24,5%, в электрогенерации ВИЭ обеспечивали около 44–47% выработки. Особенно заметен рост солнечной фотовольтаики: установленная мощность выросла с примерно 75 ГВт в 2013 году до более чем 260 ГВт в 2023 году, и в отдельные периоды солнечная генерация уже превышает газовую. Вместе с тем для достижения цели 2030 года необходимо ежегодно вводить 80–100 ГВт новых мощностей ВИЭ — это вдвое больше, чем было введено в 2023 году (~56 ГВт) [2].

Биоразнообразие. Стратегия ЕС в области биоразнообразия до 2030 года ставит задачу перевести под строгую охрану не менее 30% суши и 30% морских акваторий ЕС, а также восстановить деградировавшие экосистемы не менее чем на 20% площади к 2030 году. Действующая сеть Natura 2000 охватывает около 18% суши и 8% морских вод. В 2022 году принят Регламент о восстановлении природы (Nature Restoration Law), обязывающий государства-члены принимать национальные планы. Принятие этого документа сопровождалось острыми политическими дебатами: ряд государств и аграрное лобби Европейского парламента добивались его блокировки, опасаясь ограничений для сельского хозяйства. Документ был принят минимальным большинством, что само по себе показательно [7].

Качество окружающей среды. В 2023 году Директива об атмосферном воздухе 2008 года была пересмотрена: впервые нормативы стали двигаться в сторону рекомендаций ВОЗ, а не просто закреплять сложившееся положение дел. Рамочная водная директива (2000) ставит цель перевести все водные объекты ЕС в «хорошее состояние» — эта планка пока не достигнута примерно для трети водоёмов. Стратегия ЕС по почвам до 2030 года только формирует правовую базу там, где её долго фактически не существовало.

Между направлениями нет жёстких границ: ценовой сигнал EU ETS делает ВИЭ коммерчески привлекательнее; меньший спрос на первичное сырьё в циркулярной экономике снижает выбросы при добыче; восстановленные экосистемы — дополнительный природный сток углерода. Именно эта взаимозависимость отличает Европейский зелёный курс от набора разрозненных регуляторных мер [3–5].

Разговор об эффективности экологической политики ЕС требует разграничения двух вопросов: что уже достигнуто и достаточно ли этого для выполнения принятых обязательств. Ответы на эти вопросы существенно расходятся.

Динамика выбросов парниковых газов. Данные EEA и Eurostat фиксируют устойчивое снижение: с 5,64 млрд тонн CO_2-эквивалента в 1990 году до 5,36 млрд (2000), 4,73 млрд (2010), 4,26 млрд (2015), 3,65 млрд (2020) и примерно 3,30 млрд тонн по предварительным оценкам на 2024 год. Суммарное сокращение за три с лишним десятилетия составляет около 37–38%. В абсолютном выражении это примерно 2,3 млрд тонн, которые ежегодно больше не выбрасываются в атмосферу — сопоставимо с суммарными выбросами нескольких средних европейских стран. Проблема в том, что для достижения цели 2030 года (⩾55% к уровню 1990 г.) необходимо дополнительно сократить ещё примерно 17–20 процентных пунктов за оставшиеся шесть лет, тогда как предыдущие 37 п.п. набирались тридцать с лишним лет [1].

Картина по секторам неоднородна. Электроэнергетика и теплоснабжение — история успеха: выбросы здесь снизились примерно на 55% к 1990 году благодаря переходу с угля на газ, а затем на ВИЭ. Промышленность сократила выбросы примерно на 40% — во многом благодаря EU ETS. Транспорт — главное проблемное место: сокращение к уровню 1990 года составило всего 3–5%, а сектор по-прежнему отвечает примерно за 23% всех выбросов ЕС. Сельское хозяйство

снизило выбросы лишь на 22% — при том что основные источники (метан от животноводства, оксид азота от удобрений) технически трудно поддаются регулированию.

Система EU ETS: результаты и ограничения. В секторах, охваченных EU ETS, выбросы с 2005 по 2022 год сократились на 47,6% — это убедительно больше, чем в экономике в целом, и подтверждает эффективность ценового сигнала. Доходы от аукционов квот за 2013–2025 годы превысили 245 млрд евро; в 2023 году около 30,9 млрд евро было направлено на климатические и энергетические проекты. Цена на углерод прошла путь от 5–8 евро/т в 2017 году до рекордных 100+ евро/т в феврале 2023 года и скорректировалась до 60–65 евро/т к 2024 году [9].

Качество воздуха. По данным EEA (2024), выбросы диоксида серы (SO_2) в ЕС сократились более чем на 90% к уровню 1990 года, оксидов азота (NO_x) — примерно на 67%, твёрдых частиц PM2,5 — на 31% за 2005–2021 годы. Это значительный прогресс с точки зрения здоровья населения. Вместе с тем около 96% городского населения ЕС по-прежнему подвергается воздействию мелких частиц, превышающему рекомендательные ориентиры ВОЗ. Это говорит о том, что законодательные нормативы ЕС по воздуху долгое время отставали от научно обоснованных порогов безопасности; принятые в 2023–2024 годах поправки должны постепенно закрыть этот разрыв [8].

ЕС в глобальном контексте. Согласно докладу ООН о ЦУР за 2025 год, только около 17% ЦУР находятся на траектории достижения к 2030 году, ~18% демонстрируют регресс. На этом фоне ЕС занимает принципиально иную позицию: 19 из 20 ведущих стран по совокупному SDG Index 2024 (Bertelsmann Stiftung/SDSN) являются европейскими. Тем не менее ни одна из этих стран не демонстрирует полного соответствия всем 17 ЦУР, что фиксирует системные ограничения даже наиболее развитых экологических систем [10].

Проблемы экологической политики ЕС следует рассматривать не как перечень недостатков, а как систему взаимосвязанных напряжений, каждое из которых имеет структурный характер.

Экономическая неоднородность. ВВП на душу населения (по ППС) в ЕС в 2023 году варьировался от примерно 67% от среднего в Болгарии до 261% в Люксембурге. Энергоструктура при этом определяется не богатством страны, а историей её индустриализации: Польша производила около 64% электроэнергии из угля в 2023 году, Чехия — около 47%. Для этих экономик закрытие угольных шахт — это не экологическое решение, которое нужно принять, а социальная катастрофа, которую нужно управляемо провести. Фонд справедливого перехода (17,5 млрд евро, 2021–2027) был признан Европейской счётной палатой в 2022 году недостаточным для покрытия реальных потребностей трансформации. Принципиальный вопрос — кто несёт финансовую ответственность за то, что уголь десятилетиями субсидировался как «надёжная» энергия, — по-прежнему остаётся без ответа.

Инвестиционный дефицит. Европейская комиссия оценивает дополнительную ежегодную инвестиционную потребность для достижения климатических целей 2030 года приблизительно в 356 млрд евро. Доклад Марио Драги «Будущее европейской конкурентоспособности» (2024) называет цифру 4,5–5 трлн евро совокупных дополнительных инвестиций за период до 2030 года. Фактические «зелёные» государственные инвестиции в 2023 году составляли около 76 млрд евро в год. Разрыв очевиден. Ключевой вопрос в том, откуда возьмутся недостающие средства: из государственных бюджетов (ограниченных правилами фискальной дисциплины ЕС), с частных рынков (требующих ценовой предсказуемости) или через наднациональный долг (как это было с NextGenerationEU). Ни один из этих каналов в одиночку не способен закрыть разрыв.

Углеродная утечка. Жёсткие стандарты в одной юрисдикции создают стимул вынести производство туда, где их нет. По оценкам EEA, больше всего рискуют цементная, сталелитейная, химическая и алюминиевая отрасли. CBAM, заработавший в 2023 году, призван убрать этот

стимул: углеродные издержки для импортируемой продукции возникают на таможне ЕС, а не на заводе. Полноценный режим стартует с 2026 года; расширение на другие секторы — вопрос нескольких лет.

Темпы роста ВИЭ. Для достижения цели 42,5% к 2030 году нужен ежегодный прирост доли ВИЭ примерно на 2,5–3 процентных пункта. Фактически в 2023–2024 годах прирост составлял около 0,7–1,0 п.п. При этом главным ограничителем являются не технологии и не капитал, а разрешительные процедуры: срок согласования крупных проектов ВИЭ в ряде стран ЕС достигает 7–10 лет. Директива 2023 года об ускорении разрешительных процедур установила максимальный срок 2 года для большинства проектов — шаг в правильном направлении, но правоприменительная практика пока только складывается.

Таким образом, для устойчивого прогресса требуется дальнейшая координация, более тщательная оценка компромиссов и адаптация к меняющимся условиям.

Библиографический список

1. Анализ воздействия парниковых газов на окружающую среду: отечественный и зарубежный опыт / И. Н. Глазкова [и др.] // Вестник Академии знаний. — 2024. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vozdeystviya-parnikovyh-gazov-na-okruzhayuschuyu-sredu-otechestvennyy-i-zarubezhnyy-opyt (дата обр. 06.08.2026).
2. *Егизарян А. С.*, *Иванова Д. Г.* Основные направления экологической политики Европейского Союза // Экономика и социум. — 2026. — 5–2 (144). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-ekologicheskoy-politiki-evropeyskogo-soyuza (дата обр. 05.08.2026).
3. *Кондратьева Я. Э.*, *Амирова Н. Р.* Инструменты и методы внедрения циркулярной экономики // Постсоветский материк. — 2022. — 3 (35). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-i-metody-vnedreniya-tsirkulyarnoy-ekonomiki (дата обр. 04.08.2026).
4. *Маркелова Э. А.* Направления трансформации зеленого курса Европейского союза в условиях санкционного противостояния с Россией // Вопросы инновационной экономики. — 2022. — Т. 12, № 4. — С. 2035–2052. — DOI: 10.18334/vinec.12.4.116931. — EDN RQKVZV.
5. *Погорельский А. В.* История становления и реализации проекта «Европейский зелёный курс» // Аграрная история. — 2024. — № 18. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-i-realizatsii-proekta-evropeyskiy-zelyonyy-kurs (дата обр. 02.08.2026).
6. *Попова И. М.* Место систем торговли квотами на выбросы в современном инструментарии политики низкоуглеродного развития // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2022. — № 4. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-sistem-torgovli-kvotami-na-vybrosy-v-sovremennom-instrumentarii-politiki-nizkouglerodnogo-razvitiya (дата обр. 06.08.2026).
7. *Соколов Р. Н.*, *Рогожина Е. М.*, *Тихомирова А. Д.* Современная экологическая политика Евросоюза: борьба за ресурсы и конфликт интересов в различных сегментах рынка // Конфликтология / nota bene. — М., 2022. — № 2. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-ekologicheskaya-politika-evrosoyuza-borba-za-resursy-i-konflikt-interesov-v-razlichnyh-segmentah-rynka (дата обр. 06.08.2026).
8. European Environment Agency. — URL: https://www.eea.europa.eu (visited on 07/28/2026).
9. Eurostat. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat (visited on 08/01/2026).
10. UN Sustainable Development Goals. — URL: https://sdgs.un.org (visited on 08/01/2026).